

УДК 801

Баштовой Владимир Юрьевич

кандидат социологических наук, доцент,
начальник военной кафедры,
Северо-Кавказский федеральный университет
milena.555@mail.ru

Гришай Владимир Николаевич

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономики,
Ессентукский институт управления, бизнеса и права
milena.555@mail.ru

Кириченко Сергей Николаевич

кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора,
филиал ФГБУ ИАЦ Судебного департамента в Ставропольском крае
milena.555@mail.ru

Сыпачев Сергей Владимирович

кандидат социологических наук, доцент, заместитель руководителя,
военного следственного управления по Центральному военному округу
milena.555@mail.ru

Vladimir Y. Bashtovoy

candidate of sociological Sciences, associate Professor,
the head of the military Department of the North-Caucasian Federal University
milena.555@mail.ru

Vladimir N. Grishay

doctor of sociological Sciences, Professor, Professor,
Department of Economics Essentuki Institute of management, business and law
milena.555@mail.ru

Sergey N. Kirichenko

candidate of sociology, associate Professor, Deputy Director of the branch
of Judicial Department in the Stavropol region
milena.555@mail.ru

Sergey V. Sypachev

candidate of sociology, associate Professor, Deputy head of the military
investigation Department of the Central military district
milena.555@mail.ru

**ПРОБЛЕМА НЕУСТАВНЫХ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ АРМИИ**

**THE PROBLEM OF NON-STATUTORY RELATIONS
IN THE MODERN RUSSIAN ARMY**

Аннотация: Проблемой современной российской армии является ее криминализация, ярким проявлением которой выступают неуставные

отношения в воинских коллективах. Обнаруживаются предпосылки развития неуставных отношений на уровне дисфункциональности самого института армии, и, в частности, его функциональной сферы, ответственной за воспитание новобранцев. В статье провидится общий обзор внешних и внутренних факторов, определяющих криминализацию отношений в современной российской армии.

Ключевые слова: *армия, неуставные отношения, криминализация армии, социальные институты, дисфункция института армии.*

Abstract: *the problem of the modern Russian army is its criminalization, a vivid manifestation of which are the unstable relations in military collectives. The prerequisites for the development of unstable relations at the level of dysfunctionality of the army Institute itself, and, in particular, its functional sphere, responsible for the education of recruits, are revealed. The article provides an overview of external and internal factors that determine the criminalization of relations in the modern Russian army.*

Key words: *army, bullying, the criminalization of the army, social institutions, dysfunction of the institution of the army.*

Одним из аспектов социальной деятельности военнослужащих является наличие строгой дисциплины и реализация системы командных отношений среди личного состава. Это предполагает момент построения иерархической системы властных отношений, в которой подчиненные должны беспрекословно выполнять приказы своего командира. Необходимость формирования безусловной практики подчинения приказам старших по званию определяется спецификой военной деятельности, при которой эффективность ведения боевых действий определяется слаженностью действий военнослужащих. В идеале речь идет о формировании отлаженного социального механизма, при котором следование приказам является безусловным, вне зависимости от личных предпочтений военнослужащих. Это имеет большое значение в силу того, что в ряде случаев эффективность боевых операций определяется готовностью солдат к совершению действий, опасных для жизни. В этом смысле определяющим фактором оптимального функционирования армии является преобладание коллективного аспекта над индивидуальным. Проявление личных предпочтений и установок в принятии решений представляется нежелательным. Вся совокупность социальных действий военнослужащих сводится, в идеале, к следованию Уставу и должностным инструкциям, а также беспрекословному подчинению приказам. Очевидно, что подобного рода модель взаимодействия существенно отличается от моделей, принятых в обществе вне системы ведомственных структур. И потому чрезвычайно важным аспектом функционирования армии является вторичная социализация новобранцев, при которой реализуется момент вытеснения личных социальных установок системой уставных отношений, определяющей корректную в армейской среде систему взаимодействия. В масштабе отдельной личности подобного рода процесс связан с существенным внутренним конфликтом [3].

Обозначенный процесс реализуется в рамках взаимодействия новобранцев и носителей социальной модели, принятой в рядах вооруженных сил. Данное взаимодействие сопряжено с существенной долей конфликтности, как в непосредственных формах проявления социальных противоречий, так и на уровне латентного возрастания уровня социальной напряженности. Подобная система отношений имеет высокий деструктивный потенциал, который зачастую находит выражение на уровне возникновения неуставных отношений в армии. Как отмечает Панченко А., «Социальный статус члена воинского коллектива (участника военизированной организации) содержит потенциальные ролевые конфликты, определяемые, прежде всего, противоречием между повседневными жизненными потребностями и жесткими нормами, порождаемыми институциональной средой таких организаций» [5].

Фактически, на этом этапе находят актуализацию социальные притязания призывников, их гражданский статус, социальные установки и индивидуальное позиционирование с их последующим подавлением. При этом причиной возникающих конфликтов может являться как неготовность новобранцев к подчинению, так и разнообразные скрытые негативные факторы, к числу которых можно отнести социальное неравенство в обществе и связанную с ним напряженность, а также различного рода негативные стереотипы, распространенные в социальной среде. Так, одной из распространенных причин возникновения конфликтов в армейской среде является неприятие, основанное на предрассудках этнического или религиозного характера. В данном случае одной из причин актуализации конфликтности и, в частности, ее перехода на уровень силового противостояния, является то, что в армейской среде происходит устранение ряда сдерживающих факторов, не позволяющих проявляться накопленной социальной напряженности. Армия представляет собой специфическую социальную среду, обладающую собственным набором статусных критериев. Новобранцы, вне зависимости от их социального статуса в обществе, уравниваются в правах и возможностях, что приводит к изменению моделей коммуникации между представителями социальных групп, характеризующихся различным уровнем материального достатка. В результате распространенным становится явление, когда военнослужащие осуществляют «сведение социальных счетов».

Важным аспектом поведения военнослужащих является формализованная система институционально определенной коммуникации, которая воспринимается новобранцами в ходе их вторичной социализации. Однако, наряду с институциональными формами поведения военнослужащих, имеет место и неформальный уровень коммуникации, на основании которого формируется набор институционально предписанных форм девиантного поведения [5].

Формализованная система отношений между военнослужащими представляет собой непосредственный объект института контроля. Несмотря на длительную историю развития формальной структуры взаимодействия в

российской армии, данная сфера может быть подвергнута глубокому реформированию в соответствии с целями и задачами, определяемыми государством. Инструментом воздействия в данном случае является правовая сфера, регламентирующая отношения в армейской среде. Однако, контроль над деятельностью военнослужащих, связанный с командной структурой армии, не тотален. Существует развитая неформальная сфера взаимодействия, которая имеет большое значение в процессе осуществления воинской службы. Данная сфера связана с межличностной коммуникацией военнослужащих и при благоприятных условиях может способствовать формированию сильного сплоченного коллектива. Вместе с тем, именно в неформальной среде реализуются процессы деструктивного характера, негативно влияющие на состояние российских вооруженных сил и, в частности, на правовую обстановку в них.

В исследовательской практике данные деструктивные процессы получили наименование институционально предписанных, поскольку их возникновение, равно как и внутренняя специфика, в существенной мере определяется структурой института армии [1]. Для того, чтобы более отчетливо продемонстрировать данный принцип, отметим, что социальная конфликтность имеет место и вне института армии, однако как насилие в армейской среде, так и неоправданная эксплуатация офицерами человеческих ресурсов рядового состава обладают собственной спецификой, связанной со структурой отношений, выстраиваемой в рядах военнослужащих. С одной стороны, имеют место предпосылки, делающие проявление социальной деструктивности более вероятным, с другой – особенности организации социальных отношений, определяющие специфическую форму ее проявления. Наконец, некоторые исследователи указывают на то, что ряд конфликтных ситуаций в армии, вытекающих в неуставные формы взаимоотношений, исходной своей точкой имеет реализацию функциональных запросов самого социального института, произведенную в форме, выходящей за рамки определенных Уставом способов коммуникации. То есть, фактически, в ряде случаев неуставные отношения выступают в качестве неформальной функции института армии. Рассмотрим обозначенные моменты по порядку.

Аналитически неуставные отношения в армии можно поделить на следующие основные группы деструктивных явлений: - коррупционная деятельность командного состава; - нарушение прав новобранцев со стороны старших по званию (эксплуатация рабочей силы солдат, побои и т. д.) - конфликты между старослужащими и новобранцами; - конфликты между равными по статусу военнослужащими, основанные на различных формах личной или групповой неприязни и влекущие за собой применение физического насилия; - дисциплинарные нарушения.

Анализ первой группы неуставных отношений свидетельствует о том, что в данном случае статистика уровня распространения правонарушений коррупционного характера в армии и в обществе целом имеет схожие показатели. В данном случае структура армии представляет собой не столько

причину возникновения правонарушений, сколько своеобразный их контекст. О влиянии институциональных характеристик армии на коррупцию в командном составе можно судить лишь косвенно: так, например, формирование стереотипов относительно неблагоприятных условий ведения воинской службы определяет спрос на услуги по уклонению от призыва, а недостаток материальных средств в среде военнослужащих может служить в качестве статистического фактора повышения числа краж государственной собственности, количественного роста случаев растраты государственных средств и иных форм преступной деятельности.

Что касается нарушения прав военнослужащих со стороны старших по званию, здесь ситуация двойственная: речь идет как о направленной на достижение личных целей эксплуатации властных полномочий, так и о негативных формах реализации социальных функций армии. Так, идея «воспитания» новобранцев, связанного с преодолением трудностей, в гипертрофированном виде становится причиной организации мероприятий, представляющих угрозу для психологического и физического здоровья новобранцев. В первом случае, а именно в ситуации, когда имеет место эксплуатация военнослужащих, налицо искажение структуры взаимоотношений в армии, связанное с нецелевым использованием властных полномочий. Во втором случае речь идет о нарушении должностных инструкций и неадекватном исполнении институциональных функций армии.

Конфликты между старослужащими и новобранцами во многом связаны с реализацией рассмотренного выше процесса вторичной социализации. В данном случае важно то, что в армии реализуется деструктивный принцип насильственного подавления индивидуально-личностных проявлений военнослужащих, реализуемый под видом «воспитания». Процесс «обучения жизни» представляет собой реализацию деструктивной модели основанных на силе и детерминированных социальной традицией властных отношений, результатом которых становится возникновение специфических отношений в среде равных (по критерию воинского звания) военнослужащих. Во многом возникновение случаев дедовщины является следствием отсутствия четко определенной институциональной подсистемы, направленной на реализацию воспитательной функции. Как отмечает А. Балашов, «Переменный, многонациональный состав Армии и отсутствие в ней профессионального сержантского корпуса обуславливали существование в ней специфического института социального контроля - так называемых неуставных отношений («дедовщины») среди солдат разных годов призыва, выражавшихся в передаче старослужащими солдатами («дедами») молодым призывникам социальных норм и правил армейской жизни, в том числе посредством физического и психологического насилия над ними» [2]. Получается, «дедовщина» восполняла пробел, социальную нишу и служила, в том числе важным инструментом социального контроля.

Следует отметить, что, фактически, реализация неуставных отношений в данном случае преследует не только институционально обусловленную

цель социализации, но и способствует фактической компенсации личной несвободы старослужащих, которую они испытывали на первоначальных этапах воинской службы.

Отметим, что процесс подавления индивидуальных потребностей и установок затрагивает область поведения, но не сферу ценностей и личных мотиваторов. И в этом смысле одной из серьезных мотивационных установок является стремление к обходу ограничений, накладываемых на человека структурой, в которую он вписан. В этом смысле использование личных ресурсов новобранцев открывает для старослужащих возможность к получению дополнительного свободного времени, а также способствует возникновению способов «обхода системы», примером чего является незаконное употребление спиртного на территории воинской части.

Возникновение развитой системы неформальных отношений в армейской среде – распространенная практика, причем ряд исследователей указывает не только на негативные, но и на положительные составляющие складывающейся практики социальных отношений. Это связано с тем, что рассматриваемая система отношений способствует психологической разрядке военнослужащих, а также позволяет раскрыть их потенциал в постановке и достижении целей при условии наличия ограниченных ресурсов и возможностей. Здесь реализуется классический принцип функциональности социально отклоняющегося поведения: будучи на уровне последствий деструктивным явлением, оно одновременно способствует выполнению положительных социальных функций. Так, с точки зрения А. Панченко, положительное значение неформальных поведенческих моделей состоит в том, что «..... специфическое взаимодействие нормы и не нормы поддерживает устойчивость и эффективность военизированной организации. Ее участники, с одной стороны, осваивают модели нормативного поведения, с другой – привыкают проявлять креативность в выполнении сложных, нестандартных задач в условиях крайне ограниченных ресурсов. Это снимает социальное напряжение в военной среде и тормозит проявление активных форм социального протеста» [5]. Это не означает, что неуставные отношения являются нормой и не оправдывает их. Речь в данном случае скорее идет о том, что их существование обосновывается потребностями военнослужащих, не удовлетворяемыми в рамках уставных отношений. Подобного рода взаимосвязь позволяет сформировать принцип функционального замещения социальных девиаций, как способа борьбы с ними. Очевидно, что далеко не все потребности военнослужащих должны быть удовлетворены, поскольку некоторые из них напрямую противоречат функциональности института армии. Вместе с тем, выработанный теоретический принцип способствует возможной разрядке ситуации в отдельных ее аспектах.

Отдельного внимания заслуживает проблема двойственности оценки социального поведения с точки зрения официальной и неформальной систем взаимодействия в армии. Поскольку в нынешних условиях сформировалась развитая система неформальных отношений, во многих аспектах противоречащая официально прописанным в Уставе нормам, очевиден

конфликт между рассматриваемыми моделями [4]. Поведение военнослужащего может быть безупречным с точки зрения соблюдения уставных норм, и одновременно рассматриваться в качестве отклоняющегося с позиции сложившейся системы неформальных отношений. И напротив, «правильное» поведение с позиции неформальной системы отношений является прямым нарушением юридически определенных уставных норм. Подобного рода ситуация является существенным основанием криминализации армии. Кроме того, нередкой является ситуация, когда причиной конфликта является принципиальное несогласие отдельных военнослужащих следовать неформальной модели. В данном случае чрезвычайно важным является эффективный контроль со стороны офицерского состава, поскольку, фактически, речь идет о возможности насильственного подавления конструктивной модели поведения.

После сокращения срока службы с двух лет до одного года произошло существенное сокращение числа зарегистрированных случаев «дедовщины», поскольку прервалась преемственность негативных социальных традиций. С другой стороны, нельзя однозначно судить о полном искоренении данного феномена в силу того, что он, как модель отношения, имеет глубокую укорененность в общественном сознании, в силу чего распространенным явлением становится неосознанное воспроизведение деструктивной модели.

Отметим, что оно невозможно на уровне одного лишь карательного пресечения неуставных отношений. Неформальные модели поведения настолько плотно укоренены в структуре российской армии, что их преодоление возможно только на системном уровне – через изменение структуры армии, как института, в частности – посредством формирования эффективных формализованных механизмов вторичной социализации, а также посредством реорганизации структуры быта военнослужащих. Отдельного внимания заслуживает проблема замкнутости института армии и, по сути, заинтересованности субъектов контроля в сокрытии происходящих нарушений. Одним из возможных путей разрешения проблемы в данном случае является разделение управляющих и контролирующих ведомств с целью более эффективного отражения текущей ситуации. В силу системного характера проблемы, ее разрешение частично может быть реализовано косвенно – посредством оптимизации смежных с армией социальных сфер и, в частности, снижения общего уровня социальной конфликтности, проявления которой в армии широко распространены.

Литература:

1. Агранат Д.Л. Институциональная девиация в военизированных организациях // ЗПУ. - 2009. - №4. - С.75-80.
2. Балашов А.И. Российская армия: смена модели // Мир России. Социология. Этнология. - 2014. - №4. - С.148-177.
3. Карманов А.В. Воинское обучение и воспитание в российской армии: поиск новой парадигмы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. - 2012. - №3. - С.157-162.

4. Макарова И.В. Конфликт и неформальная коммуникация // Теория и практика общественного развития. - 2012. - №12. - С.87-89.

5. Панченко А.М. Институционально предписанные формы девиантного поведения как часть социального статуса военнослужащего // Вестник МИЭП. - 2011. - №2(2). - С.101-108.

Literature:

1. Agranat, D. L. *Institutional deviation in paramilitary organizations* // LSS. - 2009. - No. 4. - P. 75-80.

2. Balashov A. I. *the Russian army: the changing pattern* // World of Russia. Sociology. Ethnology. - 2014. - No. 4. - P. 148-177.

3. Karmanov A.V. *Military training and education in the Russian army: search for a new paradigm* // Vestnik of Adyghe state University. Series 1: regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies. - 2012. - No. 3. - S. 157-162.

4. Makarova I. V. *Conflict and informal communication* // Theory and practice of social development. - 2012. - No. 12. - P. 87-89.

5. Panchenko A. M. *Institutionally prescribed forms of deviant behavior as part of the social status of a soldier* // Bulletin of the MIEP. - 2011. - No. 2(2). - P. 101-108.